

Всероссийская олимпиада школьников
Карачаево-Черкесская республика
Муниципальный этап
2017-2018 учебный год
11 класс
Литература

Комплексный анализ художественного текста

Напишите рецензию (отзыв) на рассказ Е.И. Замятина
«Русь»

Е.И. Замятин

РУСЬ

Бор - дремучий, кондовый, с берлогами медвежьими, с крепким грибным и смоляным духом, с седыми лохматыми мхами. Видал и железные шеломы княжьих дружин, и куколи скитников старой, настоящей веры, и рваные шапки Степановой вольницы, и озябшие султаны наполеоновских французишек. И - мимо, как будто и не было, и снова: синие зимние дни, шорох снеговых ломтей - сверху по сучьям вниз, ядреный морозный треск, дятел долбит; желтые, летние дни, восковые свечи в корявых зеленых руках, прозрачные медовые слезы по заскорузлым крепким стволам, кукушки считают годы.

Но вот в духоте вздулись тучи, багровой трещиной расселось небо, капнуло огнем - и закурился вековой бор, а к утру уже кругом гудят красные языки, шип, свист, треск, вой, полнеба в дыму, солнце - в крови еле видно. И что человечки с лопатами, канавками, ведрами? Нету бора, съело огнем: пни, пепел, зола. Может, распашут тут неоглядные нивы, выколосится небывалая какая-нибудь пшеница и бритые арканзасцы будут прикидывать на ладони тяжелые, как золото, зерна; может, вырастет город - звонкий, бегучий, каменный, хрустальный, железный - и со всего света, через моря и горы, будут, жужжа, слетаться сюда крылатые люди. Но не будет уж бора, синей зимней тишины и золотой летней, и только сказочники, с пестрым узорочьем присловий, расскажут о бывалом, о волках, о медведях, о важных зеленошубых столетних дедах, о Руси.

Как осташковский Нил-Столбенский-Сидящий, жил в этом бору Кустодиев, и, может быть, как к Нилу, все они приходили к нему - всякая тварь, всякое

лохматое зверье, злое и ласковое, и обо всем он рассказал - на все времена: для нас, кто пять лет - сто лет - назад еще видел все это своими глазами, и для тех, крылатых, что через сто лет придут дивиться всему этому, как сказке.

Не Петровским аршином отмеренные проспекты - нет: то Петербург, Россия.

А тут - Русь, узкие улочки, - вверх да вниз, чтоб было где зимой ребятам с гиком кататься на ледяшках, - переулки, тупики, палисадники, заборы, заборы.

Замоскворечье со старинными, из дуба розными названьями: с Зацепой, Ордынкою, Балчугом, Шаболовкой, Бабьегородом; подмосковная Коломна с кремлевскими железными воротами, через какие князь Димитрий, благословясь, вышел на Куликово поле; "Владимиров" Ржев, с князь-Дмитриевской и князь-Федоровской стороной, может, и по сей день еще расшибающими друг дружке носы в знаменитых кулачных боях; над зеркальной Волгою - Нижний, с разливанной Макарьевской, с парходными гонками, с стерлядями, с трактирами;

и все поволжские Ярославли, Романовы, Кинешмы, Пучежи - с городским садом, дощатыми тротуарами, с бокастыми приземистыми, вкусными - как просфоры, пятиглавыми церквями; и все черноземные Ельцы, Лебедни - с конскими ярмарками, цыганами, лошадьми маклаками, номерами для приезжающих, странниками, прозорливцами.

Это - Русь, и тут они водились недавно - тут, как я огороженной Беловежской Пуще, они еще водятся: "всехдавишь" - медведи-купцы, живые самовары-трактирщики, продувные ярославские офени, хитроглазые казанские

"князья". И над всеми - красавица, настоящая красавица русская, не какая-нибудь там питерская вертунья-оса, а - как Волга: вальяжная, медленная, широкая, полногрудая, и как на Волге: свернешь от стрежня к берегу, в тень и, глядь, омут...

В городе Кустодиеве (есть даже Каинск - неужто Кустодиева нету?)

прогуляйтесь - и увидите такую красавицу, Марфу - Марфу Ивановну. Кто ж родителей ее не знал: старого мучного рода, кержацких кровей, - жить бы им да жить и по сей день, если бы не поехали масленицей однажды кататься.

Лошади были - не лошади: тигры, да и что греха таить - шампанского лошадям для лихости по бутылке подлили в пойло. И угодили сани с седоками и кучером

- прямо в весеннюю прорубь. Добрый конец!

С той поры жила Марфа у тетки Фелицаты, игуменьи - и спела, наливалась, как на ветке пунцовый анис.

Рядом по монастырскому саду из церкви идут: Фелицата - с четками, вся в клобук и мантию от мира закована, и Марфа - круглая, крупитчатая, белая. На солнце пчелы гудят, и пахнет - не то медом, не то яблоком, не то Марфой.

- Ну что ж, Марфа - замуж-то не откладывай. Яблоко вовремя надо снимать, а то птица налетит - расклюет, долго ли до греха!

Была в миру Фелицата, кликали ее Катей, Катюшенькой - и знает, помнит.

Ездят женихи к Марфе - да какие: тузы! Сазыкина взять - богатей первейший, из кустодиевских - Вахrameеву одному уступит. Отец его из Сибири, говорят, во время оно в мороженных осетрах два пуда ассигнаций вывез, и не совсем, будто, тут ладное было - ну, да ведь деньги не меченые. Не речист, правда, Сазыкин и не первой уж молодости и чем-то на Емельяна Пугачева сдает

- да зато делец, каких поискать.

Ездит и сам Вахrameев, градской голова - по другой жене вдовец: будто к Фелицате ездит (еще Катей ее знал), да все больше с Марфушей шутит. Как расправит свою - уже сивую бороду, да сядет вот так, ноги расставив, руками в колени упершись, перстнем поблескивая, да пойдет рассказывать - краснобаек у него всегда карманы полны - ну, тут только за бока держись!

А тетка торопит Марфу - чуе, недолго уж жить самой:

- Ты, Марфа, - чего тут думать: к такому делу ум - как к балыку сахар.

Ты билетики с именами сделай - да вот сюда, к Заступнице, на полочку. Что вынется - тому и быть.

Вахrameева вынула Марфа - и камень с сердца: тот-то, Сазыкин, темный человек, Бог с ним. А Вахrameев - веселый, и отца ее знал - будет теперь ей вместо отца.

Как сказала Фелицата Сазыкину, какое от Заступницы вышло решение ничего, промолчал Сазыкин, в блюде с вареньем глядя. Только вытащил из варенья муху - поползла, повизгивая, муха - долго глядел, как ползла.

А наутро узнали: тысячного своего рысака запалил в ту ночь Сазыкин.

И зажила Марфа в вахrameевских двухэтажных палатах, что рядом с управской пожарной каланчой. Как пересаженная яблоня: привезут яблоню из

Липецка - из кожинских знаменитых питомников - погрузит месяц, свернутся в трубочку листья, а садовник кругом ходит, поливает, окапывает - и глядишь, привыкла, налилась - и уж снова цветет, пахнет.

Как за особенной какой-нибудь яблоней - Золотым Наливом - ходит Вахрамеев за Марфой. Заложит пару в ковровые сани - из-под копыт метель, ветер - и в лавку: показать "молодцам" молодую жену. Молодцы ковром стелются

- ходи по ним, Марфуша. А покажется Вахрамееву, чей-нибудь цыганский уголь-глаз искрой бросит в нее - только поднимет Вахрамеев плеткой правую бровь - и поникнет цыганский глаз.

Ярмарка - на ярмарку с ней. Крещенский мороз, в шубах - голубого снегового меху - деревья, на шестах полощутся флаги; балаганы, лотки, ржаные, расписные, архангельские козули, писк глиняных свистулек, радужные воздушные шары у ярославца на снизке, с музыкой крутится карусель. И, может, не надо Марфе фыркающих белым паром вахрамеевских рысаков, а вот сесть бы на эту лихо загнувшую голову деревянную лошадь - и за кого-то держаться - и чтоб ветром раздувало платье, ледком обжигало колени, а из плеча в плечо -

как искра...

По субботам - в баню, как ходили родители, деды. Выйдут - пешком, такой был у Вахрамеева обычай - а наискосок, из своему дому, Сазыкин - тоже в баню. Вахрамеев ему через улицу - какие-нибудь свои прибаутки:

- Каково тебя Бог перевертывает? В баню? Ну - смыть с себя художества, намыть хорошества!

Сазыкин молчит, а глаза, как у Пугача, и борода смоляная - пугачевская.

А в бане уж готов, с сухим паром - свой "вахрамеевский" номер и к нему особенный, "вахрамеевский", подъезд, и особенное казанское мыло, и особенные

- майской березы шелковые веники. И там, сбросив с себя шубу, и шали, и платье, там Марфа, атласная, пышная, розовая, белая, круглая - не из морской пены, из жарких банных облаков - с веником банным - выйдет русская Венера, там - крикнет Вахрамеев, мотнет головой, зажмурит глаза - И уже ждет, как всегда, у подъезда лихач Пантелей - 15-й э - сизый от мороза курнофеечка -

нос, зубы как кипень, веселый разбойничий глаз, наотлет шапку.

- С малиновым вас паром! Пожалте!

Дома - с картинами, серебряными ендавами, часами, со всякой редкостью под стеклянным колпаком - парадные покои, пристальные синие окна с морозной расцветкой, ступеньки - и приземистая спальня, поблескивающие венцы на благословенных иконах, чьи-то темные, с небывалой тоской на дне, глаза, двухспальный пуховый ковчег.

Так неспешно идет жизнь - и всю жизнь, как крепкий строевой лес, сидят на одном месте, корневищами ушедши глубоко в землю. Дни, вечера, ночи, праздники, будни.

В будни с утра - Вахрамеев у себя в лавке, в рядах. Чайники из трактира и румяные калачи, и от Сазыкина - пятифунтовая банка с икрой. В длиннополых сюртуках, в шубах, бутылками сапоги, волосы по-родительски стрижены "в скобку", "под дубинку" - за чаем поигрывают миллионами, перекидывают пшеницу из Саратова в Питер, из Ростова в Нью-Йорк, и хитро, издали, лисьими кругами

- норовят на копейку объехать приятеля, клетчатými платками вытирают лоб, божатся и клянутся.

- Да он, не побожившись, и сам себе-то не верит! - про этакого божеряку ввернет Вахрамеев - и тот сдался, замолк. Краснословье в торговле - не последнее дело.

Но и за делом Вахрамеев не забудет о Марфе. Глядь - у притолоки стоит перед ней из вахрамеевской лавки молодец - с кульком яблoк-крымок, орехов грецких, американских, кедровых, волошских, фундуков:

- Хозяин вам велел передать.

И мелькает Марфуше искрой цыганский уголь-глаз - и, не подымая ресниц, скажет "спасибо". А потом, забывши про закушенное яблоко, долго глядит в окно на синие тени от дерева - и на тугой груди прошуршал тугой в клеточку шелк - вздохнула.

И зима, зима. От снега - все мягкое: дома - с белыми седыми бровями над окнами; круглый собачий лай; на солнце - розовый дым из труб; где-то вдали крик мальчишек с салазками. А в праздник, когда загудят колокола во всех сорока церквах - от колокольного гула как бархатом выстланы все небо и земля. И тут в шубе с соболями, в пестрых нерехтских рукавичках, выйти по синей снеговой целине - так чтобы от каждого шага остались следы на всю

жизнь - выйти, встать под косматой от снега колдуньей-березой, глотнуть крепкого воздуха, и зарумянятся от мороза - а может, и еще от чего - щеки, и еще молодо на душе, и есть, есть что-то такое впереди - ждет, скоро...

Пост. Желтым маслом политые колеи. Не по-зимнему крикучие стаи галок в небе. В один жалобный колокол медленно поют пятиглавые Николы, Введенья и Спасы. Старинные, дедовские кушанья: щи со сметками, кисель овсяный - с суслом, с сытой, пироги косые со щучьими телесы, присол из живых щук, огнива белужья в ухе, жаворонки из булочной на горчичном масле. И Пасха, солнце, звон - будто самая кровь звенит весь день.

На Пасху, по обычаю, все вахрамеевские "молодцы" - к хозяину с поздравленьем, христосоваться с хозяином и хозяйкой. На цыпочках, поскрипывая новыми (мигачи, по одному - вытянув трубочкой губы -

прикладываются к Марфе, как к двенадцатой иконе, получают из ее рук пунцовое с золотым Х. В. яйцо.

И вдруг один - а может быть, только показалось? - один, безбородый и глаза цыганские-уголья, губы сухие - дрожат, губами - на одну самую песчинную секундочку дольше, чем все, и будто не икона ему Марфа - нет, а Сердце... нет, не сердце выскочило из рук: алое, как сердце, пасхальное яйцо

- и покатилося к чьим-то ногам.

У Вахрамеева - правая бровь плеткой - молодцу:

- Эка, брат, руки-то у тебя - грабли! Чем голову набил?

Одна какая-то ночь - и из скорлупы вышел апрель, первая пыль, тепло. И как зимою ученики по красному флагу на каланче знают, что мороз - двадцать градусов и нету ученья - так тут узнают все, что тепло: сундучник Петров вместе с товаром - вылез из своей лавки на улицу. Расставлены перед дверями узорочно-кованые, писанные розами сундуки, и на табурете, подставив лысую голову солнцу - как подставляют ведро под дождевой желоб, - сам И. С. Петров с газетой.

- Ну, что новенького? Что вам из города-столицы пишут?

И сундучник - на нос очки и глядя поверх очков - внушительно:

- Да вот в Москве на Трубе кожаного болвана поставили.

- Какого такого болвана?

- А такого: его, значит, по морде бьют - а он воет, чем ни сильнее бьют

- он громче. Для поощрения, значит, атлетической силы и испытания, да.

И так от него двадцать лет все торговые ряды узнают о московских болванах, о кометах и войнах - обо всем, что творится там, далеко, куда бегут, жужжа на ветру, телеграфные провода, куда торопятся, хлопая плицами по воде, пароходы...

Пароходы, облака, месяцы, дни, птицы - мимо. А тут жизнь - как на якоре - качается пристанью, и люди - как крепкий строевой лес, глубоко корневищами усевший в землю.

Но ведь говорят старые люди, будто раз в году, когда в мае новый месяц уродится и ночь темна, - раз в году даже всем деревьям, цветам и травам, всем зеленым душам - дозволено ходить, чтобы к утру опять вернуться на место. И на белых, нагих, налитых весенним соком ногах, еще со следами пахучей, сдобной земли - всей толпой бредут они в темную ночь - и такое начинается, что - Жара. Дни желтые - тяжелой той желтью, что бывает у яблок, уже спелых и готовых упасть - чуть только качни, погляди, дунь. Из старого вахрамеевского сада липы и сирень перевесились через забор всей грудью - так в душные вечера, смяв о подоконник пышное тело, выглядывают из окон ярославские, рязанские, замоскворецкие красавицы.

Уже неделя, как все тузы из города укатили на ярмарку. В просторных покоях - Марфа одна. Солнечный квадрат неслышно скользит по кафельной печке

- сломался на плитусе - ползет медленней, по вощеному полу. За обоями в деревянной стене вдруг тихонько затикает что-то - медленней - и замрет: будто завелось в дереве какое-то сердце. И все хочется пить квас со льдом сохнут губы - или неможется? - или не то: теснит в груди платье. А вечером в спальне - скинет платье, задумается, поплывет в зеркале - и скорее: потушить свечу - потушить запыхавшие щеки.

Наутро - под окном казанский "князь", в ватной шапке горшком, лопухий, глаза острые - как свозь замочную скважину.

- Купи, барина, шали шелковые хороши - купи, кавалер любить будет. Ай, хороши! - причмокнет, подкинет шаль на руке, - и ухмыляется, будто сквозь замочную скважину все подглядел, все знает.

Опустила Марфа глаза - и рассердилась на себя, что опустила. Вышла на крылечко и сердито купила, что попало - кружевной носовой платочек.

Постояла, поглядела вслед "князю", поглядела на отбившееся от стада облако вот такие же были когда-то легкие и пухлые девичьи мысли. И уже повернулась домой - вдруг сзади у садового забора шорох, скрип по дощатому тротуару, и из-за угла - цыганский уголь-глаз.

- Марфа Ивановна... Остановилась.

- Марфуша! (- тихо) Марфушеыька! (- сухим, как песок, шепотом). Ночью в сад...

...Остановилась, чтобы оборвать дерзца, чтобы сразу охоту отбить. И Бог весть почему - не выговорилось, пересмягли губы. Так, молча, спиной к нему повернувшись, дослушала все до конца - только шелк шуршал на тугой груди.

А ночью вышла в сад - темною, росною майскою ночью, когда уродился новый месяц и все деревья, травы, цветы - с нагими, белеющими в темноте ногами, налитыми весенним соком - шуршали, шептали, шелестели...

Утро. Из розового золота кресты над синими куполами, розовые камни, оконные стекла, заборы, вода. И все - как вчера. Не было ничего.

И как всегда - веселый, шутейный, с краснобайками со своими, сундуком, полным гостинцев - приехал домой Бахрамеев. Раскрыл Марфе сундук, вынула гостинцы, поглядела, положила назад, сидит неулыбой.

- Ты что, Марфа? Или муху с квасом невзначай проглотила?

- Так. Сон нынче ночью привиделся.

А был сон в руку. День ли, два ли прошли - а только пообедал Вахрамеев, после обеда лег почитать - да так и не встал. Будто стряпуха за обедом накормила его вместе с сморчками грибом-самоплясом, оттого-де и кончился.

Говорили и другое - ну, да мало ли кто что скажет. Одно известно: отошел по-христиански, и последнее, что Марфе сказал: "Не выходи, - говорит, - за Сазыкина. Он мне в Макарьеве муку подмоченную всучил".

Погубила Сазыкина мука: не за Сазыкина вышла молодая вахрамеевская вдова, а за другого - с угольным цыганским глазом. Был слух: загулял Сазыкин с тоски. Был слух: велел зашить себя пьяный в медвежью шкуру и вышел во двор

- во дворе псы цепные спущены - чтобы рвали его псы - чтобы не слышно, как тоска рвет сердце. А потом канул в Сибирь.

Так камень бултыхнет в водяную дремь, все взбаламутит, круги: вот разбежались - только легкие морщины, как по углам глаз от улыбки - и снова гладь.

Разбежались круги - и опять жизнь мирная, тихая - как бормотанье бьющих о берег струй. За прилавком щелкают счеты, и ловкие руки, мелькая шпулькой, отмеривают аршин за аршином. Опершись о расписной сундук, с газетой, на солнце печется, как тыква, тыквенно-лысый сундучник И. С. Петров. Все в белом мечутся половые в трактирах - только как дым за паровозом, вьются следом за ними концы вышитого ручника да кисти от пояса. В конуре своей изограф Акимыч - трактирный завсегдатай - торопливо малюет на вывеске окорока и колбасы, чтобы в положенный час сесть с графинчиком в положенном уголку - и лить слезы о пропитой жизни.

А вечером - в синих прорезах сорока колоколен - качнутся разом все колокола, и над городом, над рощами, над водой, над полями, над странниками на дорогах, над богачами и пропойцами, над грешными по-человечью и по-травяному безгрешными - над всеми расстелется колокольный медный бархат, и все умягчится, затихнет, осядет - как в летний вечер пыль от теплой росы.

1923

Интерпретация поэтического текста

Перед вами стихотворения трёх поэтов. Определите особенности трактовки образа Гамлета русскими поэтами А.А.Ахматовой, А.А. Блоком, Б.Л.Пастернаком.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

А.А. Ахматова

Читая «Гамлета»

1.

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: "Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака..."
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь,-
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

2.

И как будто по ошибке
Я сказала: "Ты..."
Озарила тень улыбки
Милые черты.
От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя, как сорок
Ласковых сестёр.

А.А. Блок

* * *

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.

Б.Л. Пастернак

Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмости.

Прислонясь к дверному косяку,

Я ловлю в далеком отголоске,

Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи

Тысячью биноклей на оси.

Если только можно, Авва Отче,

Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю Твой замысел упрямый

И играть согласен эту роль.

Но сейчас идет другая драма,

И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,

И неотвратим конец пути.

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить — не поле перейти.